

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

Противоречия современной цивилизации, причины которых большинство философов XX века видят в гипертрофированной рационализации, прагматизации человеческой жизни, утрате творческих ценностей культуры, привели к осознанию необходимости формирования новой парадигмы понимания человека и мира, с чем и связана актуальность проблемы соотношения познания и творчества.

Является ли познание творческим актом? Ответ зависит от решения вопроса о природе познания и понимания творчества. Что касается природы познания, то в контексте данного исследования важно указать на три основных представления: 1) познание как конструирование; 2) познание как отражение; 3) познание как единство отражения и конструирования.

Отрицательный ответ на вопрос о том, можно ли считать познание творческим актом, является следствием как первого подхода, когда познание отождествляется с созиданием познаваемого предмета, поскольку познание в этом случае понимается как творение (субъективно-идеалистическая позиция), так и второго подхода, вне зависимости от того, идет ли речь о пассивном отражении реальности или о сверхактивном отражении мира в концепции диалектического материализма, когда вся активность изымается из объекта и полностью передается субъекту, который совершает какие-либо действия с познаваемым предметом. В реальном же акте познания имеет место взаимодействие. Абсолютизированный вариант деятельностного подхода к познанию сложно совместить с действительным, а не декларируемым признанием его творческого характера из-за неадекватности категории деятельности описанию феномена творчества. Как известно, одним из ведущих положений деятельностного подхода выступает соответствие цели полученному результату. Творчество же, наоборот, предполагает рассогласование цели и результата.

Вместе с тем нельзя не отметить, что у некоторых отечественных мыслителей разработка концепции познания как отражения приняла такую форму, что преимущественное использование ними категорий отражения и деятельности было обусловлено скорее всего лишь идеологическими соображениями. Их понимание познания находится уже в рамках третьего, наиболее приемлемого и перспективного подхода, согласно которому познание представляет собой единство отражения и конструирования, т.е. является творческим преобразованием, осмысливанием бытия. Так, В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили в совместной статье не проводят различий между адаптацией и творческим конструированием, они подчеркивают, что отсутствует принципиальная разница между психическим отражением и психическим порождением. «Видимо, нет принципиальной разницы между психическим отражением и психическим порождением. Отражение – это то же порождение (и построение) образа и притом такое порождение, которое не имеет конца, т.к. психические образы обладают свойством открытости» [4, 124]. К подобным выводам приходит и В.А. Лекторский, утверждающий, что познание даже в самых своих элементарных проявлениях предполагает осмысление, понимание, истолкование. «Творчество и познание, следовательно, связаны самым теснейшим образом и предполагают друг друга» [5, 168]. Правда, приоритет в разработке такого рода положений принадлежит не этим мыслителям.

Одним из первых философов, обративших внимание на творческую природу познания, был Ф. Ницше. Он говорил о бесконечной толкуемости мира. Мир не имеет какого-нибудь одного смысла, но бесчисленное множество смыслов. Познание же есть не что иное, как

несовершенный термин для обозначения творческого процесса истолкования. «Чем исключительно может быть познание? – «толкованием», осмысливанием – не «объяснением» [7, 285].

Созвучные этим утверждениям мысли высказывал замечательный отечественный философ Н.А. Бердяев. Он подчеркивал, что познание по глубочайшей своей сущности не может быть лишь послушным отражением действительности, приспособлением к данности, «оно есть также активное преобразование, осмысливание бытия» [1, 351]. Творческое осмысливание мира возможно благодаря его динамичности. Бытие не является статичной, замкнутой данностью, оно вечно продолжает твориться. «Космос творится, он не дан, а задан» [1, 367]. Творческий характер человеческого познания отмечали и другие представители философии жизни, экзистенциализма, Х. Ортега-и-Гассет и др.

Вторым важным моментом рассмотрения проблемы соотношения познания и творчества является анализ различных вариантов понимания творчества. Для нашего исследования представляют интерес две тенденции: понимание творчества как «эпизода» в процессе познания мира человеком или как существеннейшей характеристики этого процесса. Господствующее положение занимает первая из них, вместе с тем, все более влиятельной становится вторая тенденция, что связано с утверждением в современной культуре нового видения мира, основой которого являются положения синергетики.

Синергетика настаивает на плюралистичном характере нашей Вселенной. Наряду с детерминированными и обратимыми явлениями существуют также и необратимые процессы. Необратимость и случайность отныне рассматриваются не как исключение, а как общее правило. Тесно связанные с открытостью системы и случайностью, необратимые процессы порождают новые уровни организации. Иными словами, мир не просто развивается, он метаморфозно обновляется. В обновлении мира есть закономерность, и суть ее состоит в том, что сущностное обновление материи реализуется в трех направлениях и проходит через три стадии: нестационарность, эволюционность и творчество, т.е. творчество играет космическую роль [6; 8].

Можно заметить, что две тенденции понимания творчества не исключают, а замечательно дополняют друг друга. Понимание творчества как решения задач определенного типа, а именно, задач новых, нестандартных, а также как создания самобытных произведений искусства, что можно было бы назвать творчеством в узком смысле, вызывает возражения лишь при игнорировании второго смысла данного феномена. Что же представляет собой творчество в широком смысле?

Человеку дана возможность многообразного видения мира. Этим он отличается от животных, образ мира которых закреплен генетически. В наиболее отчетливой форме эту мысль можно найти в работах представителей философской антропологии. М. Шелер, А. Гелен, Э. Ротхакер и другие рассматривают животное как существо, связанное своими влечениями, инстинктами, находящееся в их власти, а потому и неспособное дистанцированно относиться к окружающей среде, а человека как открытое миру существо. В человеке воплощен совершенно уникальный проект природы. Он существо, биологически неопределенное, не закрепленное, ощущающее в себе врожденную потребность к местоопределению в мире, и именно в силу своей неспециализированности человек в отличие от животного не замкнут окружающей его средой, не привязан к ней прочно и неподвижно, а открыт миру. А. Гелен считает биологическую неопределенность и «открытость» человека миру определяющими чертами человеческого бытия. Человек сам определяет себя творчески создавая миры культуры. Э. Ротхакер акцентирует внимание не столько на биологической неспециализированности человека, сколько на неупорядоченности самой действительности, которая не дана в готовом виде, загадочна и иррациональна. Человек творчески истолковывает

мир, и происходит это прежде всего благодаря языку. Результатом его конституирующей деятельности является сужение мира до определенной «окружающей среды». Но «окружающая среда» человека не аналогична «окружающей среде» животного. В животном мире обладателем «окружающей среды» является вид в целом. В мире культуры у каждой отдельной группы людей имеется своя собственная «окружающая среда». И представитель этой группы, вступая в жизнь, вырастает в эту сложившуюся до него среду, но может и выйти за ее пределы, изменить или вовсе разрушить ее [2; 3; 9].

Итак, построение образа мира человеком – всегда творческий процесс. Поэтому не совсем верным является рассмотрение творчества и познания как двух отдельных процессов, скорее можно говорить о двуедином процессе познания-творчества, на чем и настаивали упоминавшиеся выше философы. О том же, что это утверждение далеко от тривиальности красноречиво свидетельствует уже сам факт существования двух различных слов (редко употребляющихся в качестве синонимов) для обозначения по существу одного процесса.

Утверждение двуединости процесса познания-творчества, разумеется, не означает, что творчеством является любая умственная работа. Человек часто пользуется готовыми образцами. Наша открытость миру, способность к творческому истолкованию действительности нуждается в постоянной «поддержке», иначе мы начинаем застывать в однажды найденных смыслах. Человечество придумало немало способов такой «поддержки». Наиболее мощными средствами, усиливающими открытость личности, являются, по-видимому, медитация и прием психоделиков.

Отметим, что открытость миру и способность к творчеству – не синонимы, первое лишь способствует второму. Сохранение найденных смыслов и стремление к их постоянному обновлению – две взаимодополняющие тенденции. Можно сказать, что именно творчество осуществляет примирение между этими двумя тенденциями, между постоянством и постоянным движением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философские произведения. М., 1989.
2. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1989.
3. Григорьян Б.Т. Философская антропология: критический очерк. М., 1982.
4. Зинченко В.П., Мамадрашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. – 1977. – № 7. – С. 109-125.
5. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
6. Николко В.Н. Творчество как новационный процесс. Симферополь, 1990.
7. Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
9. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988.